

Е. Е. Озмитель

Ташкентский период в биографии митрополита Никандра (Феноменова). 1927–1933 гг.

УДК 271.2(574/575)-9

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_342

Аннотация: Полная биография митрополита Никандра (Феноменова, 1872–1933) пока не написана, и особенно скудно до сих пор был освещен последний период — девять лет жизни в ссылках в Средней Азии и служение на Ташкентской кафедре. Данная статья продолжает серию публикаций автора, восполняющих этот пробел. В ней кратко изложены обстоятельства назначения митр. Никандра в Туркестанскую епархию, а затем, на основе архивных данных, нарративных и научных публикаций, освещается его административная, противораскольничья и гимнографическая деятельность. Представленные в статье данные позволяют судить о митр. Никандре как о человеке с большим чувством долга, преданном Церкви и законной иерархии, терпеливом и сдержанном в обращении с людьми, но бескомпромиссном в борьбе с обновленчеством. Данное исследование также дает материал для осмысления исповеднического служения туркестанского духовенства и мирян в годы советской власти — за редчайшим исключением все, кто упоминается в данной статье, были репрессированы.

Ключевые слова: История Русской Православной Церкви в Средней Азии, Туркестанская епархия, архиереи Ташкентские и Туркестанские, гонения на Церковь в Узбекистане, Казахстане, Туркмении, Киргизии.

Об авторе: **Екатерина Евгеньевна Озмитель**

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского государственного университета.

E-mail: katerina.ozmitel@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-9493>

Для цитирования: Озмитель Е.Е. Ташкентский период в биографии митрополита Никандра (Феноменова). 1927–1933 гг. // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 342–354.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2022

Ekaterina E. Ozmitel

The Tashkent Period
in the Biography of Metropolitan Nikandr (Fenomenov),
1927–1933

UDK 271.2(574/575)-9

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_342

Abstract: A complete biography of Metropolitan Nikandr (Fenomenov, 1872–1933) has not yet been written, and the last period has been especially poorly covered so far – nine years of life in exile in Central Asia and ministry in the Tashkent diocese. This article continues the author's series of publications that fill this gap. It briefly outlines the circumstances of the appointment of Met. Nikandr to the Turkestan diocese, and then, on the basis of archival data, narrative and scientific publications, his administrative, anti-schismatic and hymnographic activities are covered. The data presented in the article make it possible to judge Metropolitan Nikanadr as a person with a great sense of duty, devoted to the Church and the legitimate hierarchy, patient and restrained in dealing with people, but uncompromising in the fight against Renovationism. This study also provides material for understanding the confessional ministry of the Turkestan clergy and laity during the years of Soviet power – with rare exceptions, everyone mentioned in this article was repressed.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church in Central Asia, Turkestan diocese, bishops of Tashkent and Turkestan, persecution of the Church in Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyzstan.

About the author: **Ekaterina Evgenievna Ozmitel**

Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Department of Contemporary History of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

E-mail: katerina.ozmitel@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-9493>

For citation: Ozmitel E. E. The Tashkent Period in the Biography of Metropolitan Nikandr (Fenomenov), 1927–1933. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 1, pp. 342–354.

Деятельность митр. Никандра (Феноменова) в Туркестанской епархии долгое время оставалась в тени ярких событий из жизни священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), который занимал Ташкентскую кафедру непосредственно перед ним. Кроме того, дела и личность митр. Никандра как бы ступшевывались в глазах историков среднеазиатского православия также и от близости к нему другого выдающегося архиерея — митр. Арсения (Стадницкого), который занял эту кафедру после митр. Никандра. Так, в книге «По стопам апостола Фомы» утверждается, что «до 1933 года формально не принимая на себя возглавления Туркестанской епархии, он [митрополит Арсений] осуществлял духовное руководство ее правящими и ссыльными архиереями, в числе которых были митрополит Никандр (Феноменов), архиепископы Лука (Войно-Ясенецкий), Тихон (Шарапов), Борис (Шипулин). Благодаря тактике „сохранения возможного“, избранной митрополитом Арсением, в Ташкентской и Туркестанской епархии в 1925–1936 годах сохранилась церковная жизнь» [Владимир Иким, 2011, 87].

Не умаляя заслуг митр. Арсения и соглашаясь с тем, что он, пребывая в Ташкенте на покое, не устранился от участия в епархиальных делах, можно с уверенностью предположить, что перечисленные архиереи не оставались вовсе бездеятельными и безынициативными. Они могли иметь и имели свое мнение, свой характер и, большинство из них, немалый архиерейский стаж. В особенности это относится к митр. Никандру, за плечами которого было несколько кафедр: Кинешемская (викарий Костромской епархии с 10 июля 1905 по 1908 г.), Нарвская (викарий Санкт-Петербургской епархии с февраля 1908 по 1914 г.), Вятская (правлящий архиерей с 20 марта 1914 по январь 1922 г.), Крутицкая (управляющий Московской епархией с февраля 1922 по 24 января 1924 г.; с 22 марта 1922 г. под арестом) и Одесская (с ноября 1925 по сентябрь 1927 г., сведений о вступлении нет).

Для того чтобы составить представление о деловых способностях владыки Никандра, достаточно кратко осветить его деятельность в Санкт-Петербурге. В его ведении находились: Александро-Невская лавра, Исидоровское епархиальное женское училище, Александро-Мариинская богадельня, епархиальный миссионерский совет, епархиальный свечной завод, эмеритальная касса духовенства епархии и Комитета Дома трудолюбия, рассмотрение протоколов и журналов первой экспедиции духовной консистории, наблюдение за деятельностью законоучительского кружка при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения, наблюдение за ведением духовенством религиозно-нравственных чтений и бесед в полицейских участках и арестных домах столицы, наблюдение за преподаванием Закона Божия в светских средних и низших правительственных и частных учебных заведениях и многое другое (Журнал, 1913, 2). Владыка Никандр освятил множество храмов, участвовал в общественных мероприятиях, активно занимался проповеднической и литературной деятельностью. Во время отпусков и частых болезней митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского), а также в ноябре 1912 г. после его кончины еп. Никандр временно управлял всей епархией. При новом правящем архиерее, митр. Владимире (Богоявленском), он сохранил должность первого викария, что свидетельствует не только о его добросовестной исполнительности, но и о прекрасных административных способностях. Шесть лет служения в Санкт-Петербурге дали владыке Никандру богатый опыт столичного епархиального управления.

Затем было разностороннее плодотворное служение в Вятской епархии в качестве правящего архиерея, энергичные труды в разных комиссиях Поместного Собора, где, среди прочего, он заведовал чрезвычайно трудной в революционное время издательской деятельностью и составил самый первый список имен репрессированного московского духовенства (Записка, 2011, 75–76). Были также отважные попытки сохранения церковной собственности в первые годы советской власти, закончившиеся тюремным заключением, «Первым московским процессом», следствием по делу Патриарха Тихона и двумя ссылками в Среднюю Азию.

Эти страницы биографии митр. Никандра в целом освещены в церковной историографии, чего не скажешь о дальнейшем — о пребывании на Ташкентской кафедре. В большинстве хрестоматийных биографий при освещении этого периода можно встретить лишь упоминание о болезненном виде владыки, неверные сведения о том, что при нем в Туркестанской епархии было 27 храмов, и миф, если не сказать клевету, о его сребролюбии. Это не просто мало — это так же несправедливо, как и утверждение о том, что фактически при нем епархией управлял митр. Арсений (Стадницкий). Эти соображения и подтолкнули нас к исследованию ташкентского периода биографии митр. Никандра. Основным источником для данного исследования стали документы из фонда митр. Никандра (НА Уз. Ф. Р-429).

Одной из причин, побудивших заместителя Патриаршего местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) сменить в 1927 г. правящего архиерея Туркестанской епархии, был затяжной кризис епархиального управления¹. С июля 1923 г. правящий архиерей, еп. Лука (Войно-Ясенецкий), находился в ссылке. В 1925 г. Патриарх Тихон назначил вернувшегося из обновленчества еп. Сергия (Лаврова) на Семиреченскую викарную кафедру с поручением временно управлять всей Туркестанской епархией. Воссоединение еп. Сергия с Патриаршей Церковью было недолгим, кроме того, он скомпрометировал себя, с амвона объявив о намерении снять сан и жениться. Священнослужители, не признавшие полномочий еп. Сергия, были запрещены им в служении, каковой запрет не признали. Многие из них вдохновлялись идеями ссыльного еп. Андрея (Ухтомского), убежденного сторонника автокефалии, который, находясь в Туркестане под запретом, продолжал служить в патриарших храмах. Епископ Лука, вернувшись из ссылки в Ташкент 8 февраля 1926 г., пытался восстановить церковное единство путем примирения враждовавших сторон, но не преуспел. Его снисходительное отношение к еп. Сергию (Лаврову) и еп. Андрею (Ухтомскому), некоторые административные и канонические просчеты привели к новым раздорам среди верующих Ташкента и пригородных сел. Сороры в среде духовенства, неподобающие действия и жалобы прихожан давали обновленцам многочисленные поводы для дискредитации приверженцев Патриаршей Церкви.

Митрополит Сергей (Страгородский) осенью 1926 г. пытался исправить ситуацию, переместив еп. Луку в Рьльск на место викария Курской епархии. Новый временный управляющий Туркестанской епархией архиеп. Дионисий (Прозоровский) вступить в управление не сумел из-за противодействия ташкентской паствы и клира Сергиевской церкви. Затем последовал указ о перемещении еп. Луки на Ижевскую кафедру. Ни Рьльского, ни Ижевского назначений владыка Лука не принял и весь 1927 г. оставался в неопределенном состоянии по отношению к высшему церковному руководству и к делам управления своей епархией. Принимать «Декларацию» митр. Сергия владыка Лука также не спешил. Чтобы не потерять вместе с ним ташкентскую паству, а с Ташкентом — и всю Среднюю Азию, митр. Сергей в сентябре 1927 г. в очередной раз принял решение о замене туркестанского архиерея.

Если в обычное время при назначении на кафедру главным было соблюдение правительственной иерархии, соответствия статуса архиерея значимости епархии, то теперь выбор архиерея для Ташкентской кафедры определялся другими факторами. Во-первых, надо было учитывать место жительства архиерея и/или разрешение властей на его перемещение. Во-вторых, необходима была лояльность митр. Сергию, готовность принимать его назначения. В-третьих, теперь успех назначения зависел и от готовности паствы принять нового архиерея — в данном случае его авторитет должен был быть не меньшим, чем авторитет чрезвычайно почитаемого в Ташкенте епископа Луки.

¹ Иные причины, приведшие к назначению митрополита Никандра на Ташкентскую кафедру, были связаны с общецерковной политикой митр. Сергия (Страгородского) в 1927 г., с гонениями на Церковь и грубым вмешательством органов советского государства во внутрицерковные дела. См. об этом, а также подробно о событиях, предшествовавших этому назначению, другую статью автора: [Озмитель, 2020а].

Митрополит Никандр был подходящей кандидатурой. К осени 1927 г. он после второй среднеазиатской ссылки находился в г. Ашхабаде (Письма Шика, 2016, 427), как митрополит и ближайший соратник Патриарха Тихона он обладал весомым авторитетом. Кроме того, он мог рассчитывать на поддержку митр. Арсения, который был близок к еп. Луке. И, самое главное, митр. Никандр был в числе тех архиереев, которые сразу согласились с новым курсом церковной политики и не составили оппозиции после «Декларации» 1927 г. О своем отношении к митр. Сергию он писал: «В его действиях не вижу ничего вредного для православной веры и православной Церкви. Он действует как истинный сын ее, строго руководствуясь церковными канонами» (Материалы 1927 г., 2011, 338).

«Заместитель Патриаршего местоблюстителя и временный при нем Патриарший Священный Синод определением своим от 15 сентября 1927 года за № 79 постановили Преосвященному митрополиту Одесскому Никандру — быть митрополитом Туркестанским и Ташкентским», о чем владыке был послан указ, датированный 17 сентября 1927 г. (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 55. Л. 20). Руководствуясь исключительно соображениями о благе Церкви, митр. Никандр принял это назначение, несмотря на явное нарушение правил иерархии управления — ни один митрополит до него Ташкентскую кафедру не занимал: епархия была молодой, далекой и бедной. Свое согласие митр. Никандр объяснил так: «монашеским послушанием [я] принял новое свое назначение с лучшей епархии на худшую. С знаменитой кафедры — на малоизвестную» (Материалы 1927 г., 2011, 336). Далее в этом письме, которое можно рассматривать как своего рода речь при вступлении в управление епархией, следуют рассуждения о том, что «Высшая церковная власть видит, что полезнее для Церкви», о важности личного пребывания архиерея в епархии, о необходимости «трудиться в ней с напряжением всех сил духовных и телесных» (Материалы 1927 г., 2011, 338).

Митрополит Сергей в начале февраля 1928 г. с благодарностью писал владыке Никандру: «Все здесь [в Патриаршем Синоде] очень умилились Вашей готовностью принять на себя Туркестанскую епархию, пока Бог судит Вам прожить на ее территории. Я просто терял голову с Туркестанскими делами. Теперь, слава Богу, как будто эта болячка перестала беспокоить и ночью и днем» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 63. Л. 57). Ради митр. Никандра статус Туркестанской епархии был повышен, и она стала именоваться Ташкентско-Туркестанской митрополией².

Вступив в управление епархией, митр. Никандр какое-то время не мог переехать в свой новый кафедральный город Ташкент. В письме от 27 июня 1928 г. митр. Сергей сообщил ему: «ввиду состоявшейся фактической легализации... Высшего Церковно-Административного органа — временного Патриаршего Священного Синода... Вы можете свободно прибыть в кафедральный город вверенной Вам епархии и вступить в отправление своих Архипастырских обязанностей. <...> По прибытии на место войти в надлежащие сношения с местной Гражданской властью на предмет организации Епархиального Управления на началах, изложенных в указе Патриаршего Священного Синода от 23-го мая с.г.» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 35. Л. 62)³.

В Ташкенте митр. Никандр встретился с митр. Арсением, с которым был дружен со времени их совместного тюремного заключения в Москве и следования в среднеазиатскую ссылку в 1924 г. Здесь же, в Ташкенте, не приняв очередного назначения митр. Сергия, работал и служил на покое владыка Лука. Любовь к нему ташкентской паствы была столь велика, что приезд митр. Никандра в Ташкент был встречен резко негативно. Сергиевский храм, оставшийся единственным в ведении староцерковного духовенства, стал местом выражения откровенной неприязни к ново назначенному архиерею и его ближайшему сотруднику прот. Михаилу

² Такое наименование встречается в Указе Заместителя Патриаршего местоблюстителя от 6 ноября 1929 г. (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 68. Л. 4).

³ Есть документы, позволяющие предположить, что к июню 1928 г. митрополит Никандр какое-то время (с февраля?) уже жил в Ташкенте (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–12 об.; Д. 63. Л. 52).

Андрееву⁴. Конфликты в сергиевской общине угрожали самому ее существованию. Незадолго до назначения митр. Никандра власти устроили облаву на прихожан Сергиевского храма. 6 августа 1927 г. в подвал ГПУ было заключено около сорока человек. Через полтора месяца их стали выпускать, оставив в заключении девять членов церковного совета, в том числе старосту М. А. Маева. Заключенным было предъявлено обвинение по ст. 156, 157 и 159 УК УзССР («одурманивание масс религиозным культом для свержения Советской власти; принудительные сборы; расходы не по назначению»). 25 октября 1927 г. их выпустили, а 20 марта 1928 г. приговорили к трем годам высылки за пределы Средней Азии (ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 246. С. 5–6). Таковы были обстоятельства, при которых вступил на Ташкентскую кафедру митр. Никандр.

В 1927 г. Туркестанская епархия простиралась на все области бывшего Туркестанского края: Сырдарьинскую, Семиреченскую, Ферганскую, Закаспийскую, Самаркандскую, а также на территорию бывших Бухарского и Хивинского эмиратов, включенных в состав среднеазиатских республик. Границы епархии оставались почти прежними – немногочисленные теперь приходы раскинулись на пространстве шести тысяч квадратных километров. В Средней Азии, где до 1930-х гг. сохранялось активное сопротивление коммунистам (басмаческое движение), где не хватало путей сообщения и средств связи, правящий архиерей, находясь под надзором ГПУ, не мог свободно объезжать свои церкви. В деле организации и сохранения приходов, в деле грамотного противостояния обновленцам ему приходилось надеяться только на помощь викариев. Тем не менее, к 1927 г. викарий в Туркестанской епархии был один – епископ Пишпекский Мелхиседек (Аверченко), окормлявший приходы Пишпекского округа Киргизской АССР (ныне Северная Киргизия). Остальные викариата – Верненское/Алма-Атинское, Ашхабадское и Аулие-Атинское – не действовали. Особенно болезненным было отсутствие православного архиерея в Алма-Ате. Только приходы Сыр-Дарьинского, Кзыл-Ординского и Кара-Калпакского округов Казахской АССР (ныне Казахстан и Узбекистан) были в ведении туркестанских архиереев. Приходы г. Алма-Аты и Жетысуйской (быв. Семиреченской) губернии с 1918 г. оставались без канонического возглавления и к 1927 г. все, за редчайшим исключением, перешли в обновленчество.

Перед приходом митр. Никандра на Ташкентскую кафедру судьба пустующего Верненского викариата была решена. 1 сентября 1927 года в Алма-Ату был назначен епископ Лев (Черепанов) с титулом Алма-Атинский и Семиреченский, а 12 октября 1927 года епископ Пишпекский Мелхиседек (Аверченко) стал викарием Алма-Атинского архиерея (ГА АО. Ф. 483. Оп. 2. Д. 41. Л. 44, 45). Таким образом, к концу 1927 г. Туркестанская епархия Патриаршей Церкви – Алма-Атинская и Туркестанская. Пишпекское викариатство было передано Алма-Атинскому архиерею, а два других так и оставались незанятыми, упоминания о них исчезают. Таким образом, к 1928 г. Туркестанская епархия, именуясь митрополией, стала унитарной, потеряв существенную (по числу прихожан) часть своей канонической территории – южный Казахстан и северную Киргизию.

Однако вопросами Алма-Атинской епархии митр. Никандр занимался и в дальнейшем. В 1929 г. на заседании зимней сессии Временного Патриаршего Синода митр. Никандр сообщил, что «Преосвященный Пишпекский Мелхиседек находится в пределах Туркестано-Ташкентской митрополии и уже долгое время отсутствует в своей епархии, почему митрополит Никандр полагал бы полезным... освободить последнего от управления Пишпекской кафедрой и назначить его в распоряжение Митрополита Туркестанского» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 68. Л. 4). Определением за № 173 от 30 октября 1929 г. просьба эта была удовлетворена: викарий Алма-Атинской епархии был назначен в распоряжение Ташкентского архиерея. Вопросом Пишпекского

⁴ Тема здесь освещается кратко, так как этот конфликт и обстоятельства его преодоления проанализированы подробно автором в другой статье: [Озмитель, 2020a].

викариатства митр. Никандр занимался потому, что Алма-Атинская кафедра в это время вновь пустовала. Летом 1929 г. еп. Лев (Черепанов) был арестован, а назначенный на его место 1 октября 1929 г. еп. Августин (Беляев) в управление вступить не смог из-за отказа в регистрации.

Поездка в Москву осенью 1929 г., о которой говорилось выше, была для митр. Никандра, скорее всего, первой с момента вступления на кафедру. Получив право перемещения по стране, митр. Никандр 30 сентября 1931 г. стал постоянным членом Синода, и поездки в Москву для решения общецерковных вопросов стали регулярными. В октябре 1932 г. он участвовал в хиротонии Иоанникия (Попова) во епископа Камышинского Саратовского викария (ЖМП, 1932, 8).

В своей епархии митр. Никандр занимался вопросами восстановления епархиального управления и организации приходской жизни, заботился о духовенстве, церковном пении, противодействовал обновленчеству.

Полтора года потребовалось для того, чтобы староцерковная община Ташкента признала митр. Никандра своим архиереем. В Сергиевском кафедральном соборе ему агрессивно противостояли фанатичные почитатели владыки Луки, пассивно — некоторые члены приходского совета и клира. В конфликт были втянуты духовные чада прот. Михаила Андреева, враждовавшего с еп. Лукой, а также члены приходского совета Успенского храма в пригородном поселке Куйлюк. И все-таки именно здесь, «на Куйлюке», 9 июня 1929 г. состоялось богослужение, ознаменовавшее примирение еп. Луки, прот. Михаила (Андреева) и их «партий». Прекратились скандальные инциденты с публичным оскорблением духовенства, затихли будоражившие «партию лукинистов» слухи о незаконном смещении еп. Луки и необходимости его возвращения на Ташкентскую кафедру. Нет никаких сведений о прещениях в отношении недовольных клириков и мирян — преодолевая раздор, митр. Никандр применял только мирные средства. К еп. Луке он обращался уважительно, терпеливо дожидаясь момента, когда взаимоотношения между правящим и напокойным архиереями войдут в каноническое русло. Протоиерей Михаил Андреев жаловался митр. Сергию, что владыка Никандр «в своей пассивной простоте думает все превозмочь временем и благородством» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 65. Л. 8). Но именно благодаря благородному тактичному обращению и неспешным действиям владыка Никандр сумел погасить ташкентский конфликт и укрепил свой авторитет.

Менее напряженными, но не более простыми были отношения митр. Никандра с последователями еп. Андрея (Ухтомского), роль которого в истории Туркестанской епархии в ранний советский период была весьма значима. В 1923–1928 гг. еп. Андрей с небольшими перерывами находился в ссылках в Теджене, Ташкенте, Пенджикенте, Ашхабаде и Кзыл-Орте. Совершая в Средней Азии тайные постриги и хиротонии, он создавал автокефальную иерархию не только для своей уфимской, но и для туркестанской паствы. Среди его ставленников были епископы Лука (Войно-Ясенецкий) и Мелхиседек (Аверченко), которые, подтвердив свои негласные хиротонии в Москве, вышли на открытое служение. Но сам еп. Андрей и его ставленник архим. Вениамин (Троицкий) выбрали другой путь. 10 сентября 1925 г. еп. Андрей совершил в Ашхабаде демонстративную акцию «примирения» со старообрядцами-беллопоповцами и стал резко критиковать местную и высшую церковную власть. Архимандрит Вениамин рассылал послания, которые, как писал прот. Михаил Андреев, «обновленцы широко использовали для агитации против нас [староцерковников], а безбожники для издевательства в газетах» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 38. Л. 7 об.). Попав под запрет еп. Луки, архим. Вениамин продолжал совершать богослужения в Туркмении, а с начала 1927 г. — в пригороде Ташкента. К нему из кафедрального Сергиевского храма уходили те, кто был недоволен нестроениями в староцерковной общине, а затем и те, кто не принял новой церковной политики митр. Сергия.

Описание общины архим. Вениамина сохранилось в воспоминаниях Н. Ю. Фиолетовой, супруги профессора церковного права Н. Н. Фиолетова. «Наибольшее впечатление оставила на нас встреча и знакомство с архимандритом Вениамином (Троицким).

<...> Он поселился за городом, сняв на Никольском шоссе (с. Никольское, ныне в черте Ташкента. — Е. О.) небольшой домик. <...> В скором времени молезна перестала вмещать всех желающих присутствовать на богослужении. <...> Молодежь, которая бывала у нас, перекочевала из Сергиевского храма в общину Вениамина. Вениамин много с ней возился, беседовал, вразумлял, поучал» (Фиолетова, 1992, 69–70). Среди *перекочевавших* были и иподиаконы митр. Никандра, которые до этого посещали нелегальный христианский кружок Н. Н. Фиолетова для систематического изучения богословских наук. Иподиакон Юрий Панкратов стал духовным чадом архим. Вениамина и последовал за ним в Мелкесс (Фиолетова, 1992, 71).

В начале 1928 г. из Мерва (Туркмения) писали, что настоятель местной зарегистрированной общины священник Григорий Пеотрович поддерживает архим. Вениамина и сообщает о его готовящейся хиротонии. Автор письма спрашивал у митр. Никандра: «Имеет ли общение церковное и молитвенное с Вами иеромонах Вениамин именуемый себя архимандритом? — Правда ли, что в ближайшее время Вы готовитесь преподать означенному Вениамину хиротонию во Епископа? <...> А то может случиться, что в один из скверных для нас дней мы, Мервская община, можем очутиться в лоне древле-старообрядческой паствы» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 63. Л. 52–52 об.).

На письмо из Мерва владыка Никандр отвечал 20 февраля 1928 г.: «слух о молитвенном общении моем с Вениамином и о его предстоящей хиротонии во епископа [является] ложью, вымышленною, вероятно самим Вениамином, чтобы поддержать свой авторитет среди почитателей его, которые все более и более уменьшаются [в] количестве, переходя в сергиевский приход» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 63. Л. 52). Ошибочными, скорее всего, были и слова о поддержке архим. Вениамина свящ. Григорием Пеотровичем, так как в том же году он был возведен в сан протоиерея, а в 1930 г. — награжден наперсным крестом, получив от архиерея самую высокую оценку своих трудов (об этом ниже). Тем не менее, в августе 1928 г. Вениамин (Троицкий) приезжал кормить свои туркестанские общины уже в качестве архиерея — Бирским викарием автономной Уфимской епархии «андреевского течения» [Зиминая, 2005, 332]. В конце 1928 г., если верить докладу обновленческого функционера Левицкого, «нигде не виданная община Вениамина» в с. Никольском еще существовала: отслужив здесь несколько служб, архим. Вениамин уехал с сестрами в Кзыл-Орду к еп. Андрею, оставив в Никольском несколько прихожанок с иеромонахом Аристархом (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 90. Л. 2 об.).

Влияние идей еп. Андрея на верующих Средней Азии уменьшалось по мере того, как укреплялся авторитет митр. Никандра и происходило умиротворение прихожан ташкентского Сергиевского храма.

Насколько широко распространились в других приходах епархии оппозиционные митр. Никандру настроения, судить трудно. Скорее всего, те, кто проживал в отдалении от Ташкента и других крупных городов, в этих конфликтах участия не принимали. После первой волны советских гонений на Церковь, которая пошла на спад в 1923 г., у православных появилась надежда на восстановление нормальной церковной жизни. Немногие, в основном монашествующие и ссыльные архиереи, собирались на тайные богослужения, но остальным представлялось важным сохранить храмы и регулярное богослужение, организовать правильную приходскую жизнь, которая без легализации в Советском Союзе была невозможна. Но духовенству и прихожанам, дезориентированным противоречивыми заявлениями и поступками туркестанских архиереев, слухами и пропагандой обновленцев, трудно было сделать выбор, в рамках какой юрисдикции оформлять легализацию. Всем тогда в России не просто было найти каноническое духовенство, но особенно трудно это было сделать в Средней Азии, вдали от столиц и духовных центров, в окружении множества ссыльных священнослужителей самых разных взглядов и направлений. В г. Аулие-Ата (ныне г. Тараз в Казахстане) в конце 1920-х гг. проживали в ссылке митр. Иосиф (Петровых), архиеп. Феодор (Поздеевский), другие православные священнослужители; здесь же прошел съезд обновленческого духовенства, постановивший организовать

Сырдарьинскую епархию. А Наталье Сиваковой⁵ ради местной тихоновской общины пришлось совершить долгую поездку в Киев, чтобы привезти книги, иконы и получить духовный совет у схиархиеп. Антония (Абашидзе), бывшего до 1912 г. туркестанским архиереем [Воронцов, 2018, 26]. Из устных рассказов ташкентских старожилов известно, что в 1920-х гг. в Киев к схиархиеп. Антонию за разъяснением духовных вопросов обращалась также семья Григория Тремсина, бывшего старостой храма в пос. Куйлюк, и другие верующие Ташкента.

Когда с назначением митр. Никандра управление Туркестанской епархией было налажено, то с просьбами о помощи в организации легальной церковной жизни, о разрешении приходских конфликтов и вопросов о легитимности тех или иных священнослужителей верующие стали обращаться в Ташкент. В ответ на просьбы прихожан митр. Никандр сделал ряд назначений. Иеромонах Александр (Неграмотнов) в 1928 г. был определен к церкви с. Алексеевское Ошского окр. Киргизской АССР. В том же году протоиерей из Челябинской епархии Лев Васильев был назначен к кладбищенской церкви г. Ашхабада. Московские иеромонахи Рувим (Цыганков) и Киприан (Нелидов), проживавшие в Кзыл-Орде со своим духовным отцом еп. Варнавой (Беляевым), были назначены в Каракалпакию: иером. Рувим — в 1928 г. в Турткуль, а будущий прпмч. Киприан — в 1930 г. на станцию Аральское Море и/или в аральский поселок Муйнак (НА Уз Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 71. Л. 3 об.).

Назначая священнослужителей, митр. Никандр действовал очень обстоятельно. О стиле и методах его руководства можно составить представление по делу о назначении священника для общины на станции Туркестан и соседнего села Борисовка Сырдарьинского округа. Староста этой общины Агафия Александровна Терлова строила молитвенный дом взамен изъятой кладбищенской церкви. В мае 1928 г. в город Туркестан был направлен прот. Михаил Андреев, который составил подробную справку о проживавших там ссыльных: прот. Самуиле Очаповском, священниках Ардалионе Попове и Иакове Сердюкове, оптинском монахе Кирилле и регенте Стефане Наливайко (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 87. Л. 3-3 об.). Из этого документа видно, что, подыскивая кандидатуру, владыка интересовался не только способностями, но и здоровьем, материальным положением ссыльных священнослужителей и их семей.

Труды Агафии Терловой⁶ увенчались успехом: приход на станции Туркестан был зарегистрирован. Такие инициативные миряне, как Наталья Сивакова, Агафия Терлова, Григорий Тремсин, с радостью встретили появление авторитетного, строго православного законного Ташкентского архиерея. Несмотря на все политические и административные преобразования второй половины 1920–1930-х гг., духовным центром для верующих бывшего Туркестанского края оставался Ташкент, и только ташкентский архиерей в то время мог восстановить и укрепить нити, связующие все едино староцерковные приходы епархии.

Для легализации приходских общин митр. Никандр сумел использовать краткие передышки в серии атак государства на Церковь. Такая передышка была дана во второй половине 1927 г. после издания митр. Сергием «Декларации» о полной лояльности советской власти. Следующая передышка — в 1930 г., для того чтобы снизить недовольство народа, нараставшее из-за слишком быстрых темпов коллективизации, непосредственно связанной с закрытием церквей. Количество зарегистрированных в этот период православных приходов Туркестанской епархии увеличилось с 33 в 1928 г. до 41 в 1931 г.⁷

Рост числа приходов был заметным, но недолгим — уже в конце 1930 г. храмы стали закрывать. А ликвидация храма нередко заканчивалась и распадом церковной

⁵ Наталья Лукьяновна Сивакова была приговорена к расстрелу 31 января 1938 г.; причислена к лику святых в сонме новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви.

⁶ Агафия Александровна Терлова, «главная деятельница православия в Туркестане», как она названа в справке прот. Михаила, была приговорена к расстрелу 28 ноября 1937 г.

⁷ Подробно о численности туркестанских приходов, их расположении и финансовом состоянии см. другую статью автора: [Озмитель, 2020б].

общины. 5 декабря 1930 г. митр. Никандр докладывал митр. Сергию: «29 ноября с[его] г[ода] Сергиевский в г. Ташкенте храм закрыт, и так как он был в Ташкенте единственным для староцерковников, для епархиального архиерея служил кафедральным собором, то прихожане его, по количеству очень многочисленным в полумиллионном городе, оказались в исключительном затруднении. <...> А между тем необходимость закрытия храма и причина, вызвавшая его, остается неизвестной для общины, которая посему пребывает в уверенности, что с ее стороны не было никаких нарушений заключенного с ней договора на пользование храмовым зданием, чтобы расторгнули этот договор и лишили ее, единственную и многочисленную староцерковническую религиозную общину в Ташкенте с полумиллионным населением, в то время как обновленческим общинам предоставляется в пользование 5 храмов, обращающие по сем общее внимание отсутствием в них богомольцев при совершении богослужения. Было бы вполне естественно один из них, более или менее вместительный, передать староцерковникам, о чем неоднократно возбуждались ходатайства со стороны последних» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 76. Л. 104–105). О закрытии храма по постановлению правительства владыка узнал 21 ноября в секретном отделе ОГПУ по Средней Азии. Как он сам сообщал в процитированном выше рапорте, начальник секретного отдела по церковным делам предложил, «считаясь с закрытием храма как окончательно свершившимся фактом, возбудить ходатайство о разрешении двух-трех молитвенных домов» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 76. Л. 104). Получив в пользование только часовню Богородичной иконы «Всех скорбящих Радость» на кладбище по улице Боткина, Сергиевская «староцерковническая религиозная община» была переименована в Скорбященскую. Клир кафедрального собора переместился в кладбищенскую часовню, которая была приспособлена под алтарь, а прихожанам во время богослужения приходилось стоять снаружи на тропинках среди могил.

Настоятелем Скорбященской церкви стал прот. Александр Щербов. Кроме него и прот. Михаила Андреева ближайшими помощниками митр. Никандра в Ташкенте были протоиереи Петр Тихов и Димитрий Морозов. Представляя в 1930 г. к награде митрою прот. Петра Тихова, владыка характеризовал его так: «многополезный... в делах по управлению ташкентской епархией, усердно исполняющий возложенные на него поручения епархиального архиерея по делам духовного следствия, проповедничества, духовничества» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 45. Л. 108 об.). Протоиерей Александр Щербов помогал архиерею в решении бытовых вопросов, а прот. Димитрий Морозов — при обучении народа церковному пению, при введении общецерковного пения за богослужением в храмах епархии (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 45. Л. 108 об.). За обычным, казалось бы, перечнем заслуг прот. Димитрия стоит многое. В то время введение общецерковного пения означало, что, вопреки противодействию властей, митр. Никандру удавалось на некоторых приходах наладить внебогослужебные занятия пением и проводить общепархиальные мероприятия.

Церковное пение митр. Никандр очень любил и придавал народным церковным хорам большое воспитательное и просветительское значение. Находясь на Вятской кафедре, он составил и издал для содействия общенардному пению сборник в трех выпусках с пояснениями и постраничными комментариями («Слово жизни в богослужебных песнопениях Православной Церкви, избранных для общенародного пения» Изд-е 1. СПб. 1914; Изд-е 2. Вятка, 1917). В Ташкенте митр. Никандр также занимался гимнографией. В 1928 г. он отправил в Синод два акафиста — прп. Сергию Радонежскому и св. Иоанну Крестителю — с просьбою благословить их как «представляющие большую легкость и вразумительность по изложению для чтения и всенародного пения к употреблению при богослужении» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 45. Л. 20). 19 сентября 1928 г. Синод благословил их к местному употреблению. Условий для издания духовной литературы не было никаких, и несколько экземпляров акафистов были напечатаны в тетрадях ученического формата на тонкой голубоватой бумаге. Таковую брошюру в конце 1920-х видел митр. Мануил (Лемешевский) у митр. Сергия

(Страгородского), отзыв которого он вспоминал через много лет, в 1957 г.: «Приходится радоваться за живую богословскую мысль, не покидающую членов Русской Православной Церкви. На днях из далекой Азии получил акафист преподобному Сергию, составленный Владыкой Никандром. Я просмотрел этот акафист. По размерам своим он значительно короче старого, язык его ясный церковно-славянский, неудобопонимаемых оборотов и слов не встречается. Вообще, акафист производит очень хорошее впечатление и радует душу человека» (Письма к свт. Афанасию, 2013, 594).

Самым главным в деятельности любого туркестанского архиерея в это время было реагирование на вызов обновленчества, которое в Средней Азии было особенно распространено. О методах противодействия раскольникам митр. Никандра известно из документов за авторством активистов обновленческой Среднеазиатской митрополии. В фонде митр. Никандра таких документов немало. Видимо, он собирал информацию из «лагеря противника» — кто-то составлял для него конспекты и/или снимал копии с докладов и донесений.

Один из таких документов — обрывочный конспект доклада, сделанного на обновленческом съезде в конце 1928 г. обновленческим функционером Стефаном Левицким. Доклад этот, целью которого было «дать отчет о методах тихоновщины», при всей его тенденциозности, все-таки помогает составить представление о том, как туркестанское духовенство ограждало свою паству от вреда, приносимого раскольниками. По словам Левицкого, «Никандр... взял иной курс в борьбе с обновленцами, и уже не говорит, что мы еретики, и даже тем, которые признаются, что бывают у нас в храмах, Никандр отвечает: „Бог с Вами, ходите, но смотрите, не исповедуйтесь и не причащайтесь у них“» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 90. Л. 2). В Самарканде, согласно этому же источнику, уклонившихся православных владыка увещевал более резко и «внес смуту, называя нас еретиками, а иконы не иконы, а картины». Там же: «9–10 июня митрополит Никандр поехал в Коканд с целью примириться с обновленцами, вел себя очень корректно, нас не задевал, но его манера служить и проповедовать не произвела впечатления, и агитация не удалась, заманив немного» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 90. Л. 3). Остальные заявления Левицкого касаются туркестанского староцерковного духовенства вообще: «священники и миряне принимают все меры, чтобы вылить всю грязь на нас», «приемы тихоновщины против нас самые низкие», «угрожают чуть не отлучением», спрашивая мирян на исповеди, «ходил ли к обновленцам». На фоне этих обвинений митр. Никандр в обращении с раскольниками и колеблющимися православными в описании Левицкого представлен сдержанным, вежливым, но вместе с тем и совершенно непреклонным и бескомпромиссным. Владыка не называл еретиками тех, кто этого не заслуживал, — в Туркестанской епархии было много полуобновленцев, которые сохраняли юлианский календарь, церковнославянский язык богослужения, неодобрительно относились к женатому епископату и требовали верности канонам, осуждая Сибирскую «Живую церковь» за радикальные реформы.

Деятельными помощниками митр. Никандра в борьбе с обновленчеством были никогда не уклонявшиеся от Патриаршей Церкви уже упоминавшиеся выше туркестанские и ссыльные священники Димитрий Морозов, Петр Тихов, Григорий Пеотрович, иеромонахи Рувим (Цыганков), Киприан (Нелидов), Александр (Неграмотнов), а также многие другие. Представляя в 1930 г. священников к наградам, митр. Никандр особо отмечал их заслуги в противодействии расколу: протоиерей Георгиевской церкви г. Самарканда Гордий Штурбабин «был на миссионерских курсах при Казанской Духовной Академии, по [сему] усердный проповедник, ревностный борец за православие против „Живой Церкви“. <...> [Протоиерей Григорий Пеотрович] в последние годы своей духовной службы заявил себя борцом против обновленчества: в г. Мерве, благодаря ревности о. Пеотровича о православии, нет ни одной обновленческой общины, приходской храм благоукрашен, приходская община — примерная по единению с своим приходским пастырем. <...> [Протоиерей Димитрий Морозов] в сан протоиерея возведен Патриархом Тихоном в 1925 г. во внимание к общественной

деятельности его в Ташкентской епархии, не имевшей ни епископа, ни епархиального управления и сильно подвергавшейся агитации живоцерковнического раскола» (НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 45. Л. 108 об.).

Для противодействия обновленчеству митр. Никандр вел с представителями власти переговоры о возвращении церквей, давал обстоятельные ответы прихожанам, смущенным бесчинствами раскольников и самосвятов, разрешал целый ряд рутинных тогда вопросов о второбрачных священниках, о возвращении из раскола клириков и мирян. Большое значение в укреплении православия имели его поездки по епархии: есть сведения о визитах митр. Никандра в Куйлюк, Самарканд, Коканд, Высокое.

Владыке Никандру удалось вывести Туркестанскую епархию из кризиса, укрепить церковную дисциплину, наладить епархиальное делопроизводство, сохранять, насколько возможно было, храмы и приходскую жизнь. Он честно служил православию в Средней Азии до самой своей смерти. 3 марта 1933 г. он скончался в Ташкенте, отпевание совершил митр. Арсений. Не замеченная историками, деятельность сдержанного, скромного, терпеливого митр. Никандра не исчезла из памяти верующих Средней Азии. Господь устроил его могилу за алтарем Скорбященской церкви рядом с могилами двух других замечательных среднеазиатских архиереев — митр. Арсения (Стадницкого) и архиеп. Гавриила (Огородникова). Место это почитается верующими — оно стало главной святыней не только Боткинского кладбища, но и всего Ташкента.

Источники и литература

Источники

1. ГА АО — Государственный архив Алматинской обл. Ф. 483.
2. ГАРФ — Государственный Федеральный архив Российской Федерации. Ф. 8409 (Фонд Е. П. Пешковой. Помощь политическим заключенным).
3. ЖМП (1932) — Журнал Московской Патриархии. М., 1932. № 7–8.
4. Журнал (1913) — Отдых христианина. Ежемесячный религиозно-назидательный журнал. 1913. № 17–18.
5. Записка (2011) — «Забота о братском посещении арестованных» [Вст. статья, коммент. и публ. Н. А. Кривошеевой. Записка епископа Вятского и Глазовского Никандра (Феноменова) о находящихся в заключении священнослужителях 30 декабря 1918 г.] // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2011. Вып. 3 (40). С. 72–79.
6. Материалы 1927 г. (2011) — Алчущие правды: материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. статья свящ. А. Мазырина и О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
7. НА Уз — Национальный архив Узбекистана. Ф. Р-429 (Фонд митрополита Никандра).
8. Письма к свт. Афанасию (2013) — Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову) / Вст. статья, примеч., подгот. текста О. В. Косик. Кн. 1: А–Н. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
9. Письма Шика (2016) — Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века. Письма М. В. Шика (свящ. Михаила) и Н. Д. Шаховской-Шик. М.: Преображение, 2016. Т. 2.
10. Фиолетова (1992) — *Фиолетова Н. Ю.* История одной жизни // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Вып. 9. С. 7–105.

Литература

11. Владимир Иким (2011) — *Владимир (Иким), митр.* По стопам апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии. М.: М-Сканрус, 2011.
12. Воронцов (2018) — *Воронцов, В., свящ.* «Была у архиереев по церковному делу, но контрреволюционной работы не вела...» Материалы к жизнеописанию святой мученицы Наталии Сиваковой и пострадавшего с ней церковного старосты Константина Конькова // Свет Православия в Казахстане. 2018. № 1–2 (март). С. 24–30.

13. Зимина (2005) — *Зимина Н. П.* Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: священномученик Вениамин (Троицкий; 1901–1937) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2004 г. М.: ПСТГУ, 2005. С. 332–349.
14. Лука Войно-Ясенецкий (1998) — *Лука (Войно-Ясенецкий В. Ф., архиеп.)* «Я полюбил страдание...»: Автобиография. М.: Изд-во им. Святителя Игнатия Ставропольского. М., 1998.
15. Озмитель (2020а) — *Озмитель Е. Е.* Архиерей-послушник для Туркестанской епархии (к вопросу о назначении митрополита Никандра (Феноменова) на Ташкентскую кафедру в 1927 году) // Вестник ПСТГУ. Сер.: П. 2020. Вып. 97. С. 137–156. DOI: 10.15382/sturP202097.
16. Озмитель (2020б) — *Озмитель Е. Е.* Туркестанская епархия при митрополите Никандре (Феноменове) (1927–1933 гг.) // XXX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. С. 111–118.